

ЧЕРКЕССКИЕ ВОИНЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)¹

© М.В. Горелик

Россия, Москва, Институт востоковедения РАН

Адыги в период существования Золотой Орды являлись носителями одного из самых ярких вариантов единой имперской культуры этого государства.

Завоевание адыгов монголы начали точно тогда же, когда и завоевание Руси – осенью 1237 г. И командовали монголо-татарскими войсками в этой кампании лица, никак не менее знатные, нежели Бату – царевичи-чингизиды Мункэ и Кадан, причем Мункэ, двоюродный брат и личный друг Бату, через несколько лет стал каганом – верховным владыкой всей империи Чингизидов.

Как и русская, адыгская кампания монголо-татар закончилась разгромом адыгского войска под командованием Тукара (Рашид-ад-Дин. С. 38). И впервые, в тексте созданного около 1240 г. первого письменного памятника на монгольском языке – «Монгол-ын ниуча тобчиан» («Тайной истории монголов» или – поэтически – «сокровенного сказания»), зафиксирован этноним, которым монголы называли адыгов «черкес». Позднее этот термин в приложении к адыгам встречается и у других восточных авторов. Европейские авторы употребляют этот этноним уже с середины XIII в. Гильом Рубрук зафиксировал его во время своего путешествия в Монголию (Путешествия. С. 111). И именно европейские авторы в XIII–XIV вв. отмечали, что «черкес» – слово, употребляемое именно монголами и тюрками. Европейцы прилагали его только к адыгам, обитавшим во внутренних, особенно степных прикубанских районах; приморских адыгов они продолжали называть зихами (Путешествия. С. 111; Адыги, балкарцы, карачаевцы. С. 38, 46).

Специфика прикубанского варианта золотоордынской культуры заключалась не только и даже не столько в субстратной культуре местных этносов: огромную роль здесь сыграли теснейшие контакты региона с местными итальянскими колониями и далеким

Египтом. Таким образом, мощная ордынская культура, созданная на центральноазиатско–северокитайской основе руками обитателей монгольских степей, уйгурских и тангутских оазисов, чжурчжэньских и китайских городов, а также пленными мусульманскими мастерами от Средней Азии до Сирии и Индии, вобрала в себя и европейские, и египетские элементы. Обычно этими элементами были предметы импорта – готовые изделия (художественное стекло, оружие, украшения) либо ткани, из которых шились одеяния и головные уборы монгольского покроя для мужчин и адыгские костюмы для всегда более консервативных женщин. А через порты Прикубанья, через черкесов, на юг и запад продвигались престижные элементы образа ордынского мужа-воина. И если Южная, в основном Балканская, Европа восприняла только мужской костюм монгольских владык, то Египет оказался стороной, впитывавшей влияние далекого Востока во всех элементах, формирующих облик мужа-воина и его специфический быт военного похода, охоты, пиршеств, конно-спортивных состязаний. Это неслучайно: именно область Прикубанья с ее портами была тем регионом, откуда правящий класс Египта – купленные государственные рабы-воины (мамелюки) постоянно получал необходимое пополнение, которое по традиции он не мог получить естественным путем.

Судя по очередности упоминаний в мусульманских источниках, уже во второй половине XIII в., очевидно, к его концу, черкесские воинские контингенты становятся важнейшей составляющей золотоордынского войска (наравне с русскими, и опережая алан и кыпчаков). Но, в отличие от остальных «инородческих» контингентов, черкесы не фигурируют в списках гвардейских частей, несших службу в Главном Улусе со столицей в Дадуге (Пекине).

¹ Впервые опубликовано в: Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 15. Нальчик, 2008. С. 158-189.

В империи Чингизидов немонгольские военные соединения назывались «танма», и командовали ими специальные командиры, называвшиеся «танмачи» (по-тюркски «баскак»). Обычно танмачи назначались военачальники не из монголов, но и не из того этноса, и! которого состояли подведомственные ему танма. Так, например, знатный воин, похороненный в медном гробу в кургане 1 Белореченского могильника, обладатель сабли с серебряной фурнитурой, трех серебряных наградных монгольских чаш, трех наградных монгольских портупейных поясов – двух с серебряным и одного с золотым набором, монгольского колчана, обтянутого китайской золотой узорной парчой, был похоронен по обряду, сочетавшему как адыгские, так и степные признаки. Видимо, он был один из потомственных (об этом говорит разновременность наградных вещей) танмачи – алан, маджар или кипчак, похороненный в 70-80-х гг. XIV в. среди своих (и своих предков) подчиненных и боевых соратников – высшей воинской знати адыгов.

Кроме нового названия – «черкесы», монголы «подарили» адыгам и новые территории в Центральном Предкавказье. Там к XIV в. обосновалась группа адыгских кланов, когда-то подчинявшихся хазарскому клану, в конце X в. переселившемуся из Киева и принадлежавшего к группировке, называвшейся «к'абар» (тюрк. «сборище», «партия»). От этого названия правящего клана подчиненные ему адыгские роды приняли общее самоназвание «к'абарта(й)» – «кабардинцы».

А теперь рассмотрим оружие, которым черкесские воины XIII – первой половины XV вв. добывали себе «честь (т.е. имущество) и славы (т.е. величания)».

В отличие от кочевников, основным оружием черкесов, судя по археологическим находкам, была сабля. Этот вид клинкового оружия в Прикубанье получил мощное развитие и широчайшее распространение еще в раннем средневековье,

В течение XII – первой половины XIII вв. сабля на Северном Кавказе претерпела определенные изменения. Они выразились, собственно, только в том, что ее клинок удлинился, и в том, что господствующей формой перекрестья стала форма узкого, вытянутого по горизонтали ромба. Вместе с тем, подчас – в слабом виде – сохранялись и черты, свойственные хазарскому периоду. Они выразились в чуть раздутой и закругленной сверху форме навершия и в наличии характерной

широкой и плоской обоймы, приваренной под перекрестием и снабженной отходящим от нее язычком, охватывающим лезвие. Эта деталь несла тройную функцию: защищала от порезов устье ножен и указательный палец при хвате под перекрестие, а также предохраняла от поломки самое уязвимое место в конструкции сабли. Обойма с язычком в XII – первой половине XIII вв. исчезла с клинков запада Евразии, зато полностью сохранилась в Южной Сибири, Монголии и Китае, развивая даже такой признак, известный нам по саблям “колосовского” типа, как фигурно вырезанный внутренний край язычка.

Монгольское нашествие принесло много новшеств в сабельную конструкцию. Оно как бы вернуло центральноазиатские традиции, и принесло новые. Самым ярким образцом монгольского клинка на Северном Кавказе является найденный при разрушении могильника золотоордынской, монгольской знати у пос. Новопавловка в Ставрополье (Рис.1, 1).

О его далеком восточном происхождении говорит форма клинка – прямого однолезвийного палаша, и резной декор костяной рукояти, изображающий птицу, порхающую среди растений. Близкой аналогией ему является изображение на китайской резной лаковой чаше первой половины – середины XIII в. (Горелик, 2004а. С. 88. Рис. 4; Laques chinois. 1986. Р. 49). Под перекрестьем палаша – серебряная обойма с язычком с фигурно вырезанным внутренним краем. Особенно важно перекрестие палаша, отлитое из серебра. Относясь к узкоромбическому типу, оно имеет немного асимметричные усы, слегка оттянутые книзу, что маркирует сабли золотоордынского периода. По вертикальной оси и поперек усов выступают узкие вертикальные полосы. Эта деталь Новопавловского монгольского палаша середины XIII в. является прямой предтечей перекрестья сабли из 1 кургана Белореченского могильника (Рис.1, 2; 2, 1), с которой был похоронен в медном гробу танмачи черкесов. Ее литое из серебра перекрестие с теми же вертикальными выпуклыми полосками имеет асимметричные, оттянутые книзу усы, только эти признаки выражены гораздо резче, чем у Новопавловского палаша. Концы усов расширены и слегка уплощены. Получившаяся форма перекрестья является типичнейшей для сабель Северного Предкавказья XIV–XV вв. Долгое время она считалась присущей именно и только северокавказским саблям. Но археологические находки сабли и рукояти типичного монгольского меча в Нижнем

Поволжье с такими перекрестиями, а также изображение их на тебризских миниатюрах рукописи «Шах-намэ» из бывшего собрания Демотта (Рис. 2, 2-5) свидетельствуют о том, что данная деталь была распространена в обоих западных улусах – Чжучи и Хулагу – империи Чингизидов. Миниатюры «демоттовского «Шах-намэ» хорошо датируются 30-ми гг. XIV в.; соответственно этим временем мы можем датировать и формирование описываемого типа перекрестия. Дата подтверждается и формой серебряных обоймиц сабли из «медного гроба» с округлыми пластинками на внешней стороне, совершенно аналогичные обоймицам ножен на миниатюрах. Еще раз перечислим типы перекрестий золотоордынских северокавказских сабель. Перекрестья с горизонтальными усами, суженными или, наоборот, расширенными к концам (Рис. 1, 3, 4; 3, 3, 6; 4, 1-6). Короткие перекрестья с шариками на концах (Рис. 3, 4). Короткие перекрестия в виде полумесяца с опущенными концами, увенчанными шариками (Рис. 3, 2; 4, 7, 8, 10). Перекрестия с асимметричными длинными тонкими усами, увенчанными шариками (Рис. 4, 9, 12). Перекрестия с симметричными или асимметричными, отогнутыми вниз и расплюснутыми на концах в ромбик, прямоугольник или, редко, кружок, усами (Рис. 1, 2, 5; 3, 8-10; 5).

Кроме перекрестия, изменилась и форма навершия. Оно приобрело форму стаканчика, обычно короткого, иногда граненого. На самых роскошных северокавказских саблях – как в «медном гробу» – навершие могло быть серебряным, но обычно они, как и вся фурнитура, железные. Железная фурнитура богатых прикубанских сабель украшалась таушировкой из серебряной и золотой проволоки (Рис. 1, 3-5), что было давней – X–XI вв. – местной традицией. Узоры были самые простые, геометрические: прямые из угловатые линии, простые и усложненные прямоугольные клейма, треугольники. Таким же декором изредка украшались и клинки прикубанских сабель. На одной из черкесских сабель XIV в. из старых собраний Государственного музея Республики Татарстан в Казани на клинке под прямоугольником, заполненным черточками и уголками, тауширован той же золотой проволокой кинжал с прямым клинком (Рис. 1, 3), хорошо знакомой по образцам XVIII–XX вв. формы, с округлым навершием и ромбическим перекрестием. Очень заманчиво видеть здесь самое раннее изображение и, соответственно,

свидетельство о бытовании практически сформировавшейся кавказско-турецкой камы.

В золотоордынское время клинки стали значительно более длинными – не менее 100-120 см. Увеличилась в целом и их кривизна, хотя и далеко не всегда. Увеличение кривизны клинка в золотоордынское время стоит рассматривать скорее как мощную тенденцию, нежели как абсолютную закономерность, как думают в большинстве наши археологи. Доли на плоских клинках стали шире, а узкие доли часто прорезались параллельной парой и даже тройкой. Конец плоского клинка обычно затачивался на два лезвия – для колющего удара. С монголами на восточноевропейские клинки «возвращается» елмань. Но, если в хазарский период она часто была длинной, достигая 4/5 длины клинка, то длина елмани с монгольского времени ограничивается четвертью длины клинка. Второй разновидностью северокавказских золотоордынских клинков являются граненые клинки, чье сечение по всей длине имеет форму несколько уплощенного ромба. Такие клинки чаще немного уже плоских и несколько более изогнуты, хотя встречаются среди граненых и довольно широкие, слабо-изогнутые образцы, снабженные к тому же елманью.

Наконец, третья разновидность клинка сочетает в себе все признаки предыдущих: он от перекрестья до елмани плоский, иногда с узким долом, а от елмани конец его откован в виде длинного граненого штыка, обладающего мощной колющей функцией. Этот последний тип и является классическим «черкесским клинком», который доживет до XVIII в. Его действие ярко и точно описал в конце XV в. в своем дневнике «Бабур-намэ» правнук Тамерлана, великий полководец, политик, поэт, писатель, филолог, теоретик музыки, завоеватель Индии, «Великий могол» Бабур. Он пишет, как в поединке, орудуя бывшим у него во время этой битвы черкесским клинком, он сначала заколол коня противника, а потом его, соскочившего на землю, зарубил.

Что касается качества прикубанских клинков, то исследовавший несколько хранящихся в ГИМе клинков из Белореченского могильника выдающийся металлург Е. Басов, возродивший у нас искусствоковки дамасской стали (сварного булата), обнаружил, что клинки эти скованы из превосходного дамасска. К сожалению, подобные исследования не проводились на широком материале золотоордынских клинков, поэтому сейчас мы не можем уверенно утверждать, было ли искусство

ствоковки дамасской стали уделом только черкесских оружейников (позднее утраченным), или это было достаточно распространенной технологией и в других регионах Золотой Орды.

Возвращаясь к ножам, отметим, что золотоордынские обоймицы черкесских ножен часто имели торцевые подложки на верхней кромке, под креплением кольца (Рис. 4, 1, 5). Сами обоймицы изредка могли быть широкими, ажурными, привезенными из Крыма или Малой Азии. Наконечники ножен – в форме уплощенного стаканчика, от коротких – в несколько см, до длинных – около 20 и более см.

Важным предметом клинкового оружия, характерным для золотоордынского периода, был боевой нож (обычно археологи называют его кинжалом, что неверно, так как у него всегда одно лезвие) (Рис. 6, 1-7, 10). Он имел специально боевое назначение: во время поединка, обычно предшествовавшего общей битве (или могущего иметь место во время преследования после боя), боевым ножом, соскочив на землю, добивали поверженного противника, перерезав ему горло, как это видно на многочисленных изображениях в мусульманской книжной миниатюре. Кстати, именно так, совершенно «по степному», «по восточному» поступил тмутараканский князь Мстислав Владимирович в пресловутом поединке с касожским князем Редедей (между прочим, и сам поединок, и его условия были продиктованы именно Редедеем).

Особенностью золотоордынского Прикубанья является применение кинжалов – обоюдоострых клинков, в том числе и стилетов кинжалов с гранеными узкими клинками, с богатыми серебряными перекрестьями, ножами и их наконечниками, украшенными типично золотоордынским гравированным узором (Рис. 6, 8-9). Настоящие кинжалы к золотоордынскому времени уже не применялись в Прикубанье. Появление их в середине XIII в. в черкесской панолии, скорее всего, обязано контактам адыгов с итальянскими колонистами, обосновавшимися в северо-восточном Причерноморье именно в середине XIII в.

Длинноклинковое оружие и боевой нож в золотоордынское время подвешивались на специальном поясе-портуpee (эта традиция в Евразии закрепились еще с середины I тыс.), всегда застегивающемся на рамочную пряжку с иглой. Отличившиеся воины и военачальники в монгольской империи в качестве награды

получали (наряду с пиршественными чашами и драгоценной одеждой) портупейные парадные пояса с металлическим набором – золоченым, серебряным и даже золотым (Рис. 7). Обилие монгольских драгоценных поясов в черкесских погребениях как и чаш, и одежд – особенно в Белореченском могильнике – важное подтверждение высокого положения черкесского воинства в военной машине улуса Чжучи.

Вторым по важности оружием черкесских воинов XIII–XV вв. был лук со стрелами. В погребениях их остатки часто сопровождают покойных бойцов. От луков остаются обычно либо роговые части – подзоры (узкие пластины, наклеенные с внутренней стороны) плеч, либо костяные – обкладки рукояти и рогов. Крайне редко сохраняется деревянная основа лука. Так, почти полностью лук сохранился в I кургане Белореченского могильника. Луки, использовавшиеся северокавказскими воинами в золотоордынскую эпоху вполне сопоставимы с луками других регионов Золотой Орды. Это великолепное оружие, имевшее сложносоставную структуру, когда деревянная основа склеивается из пяти частей – рукояти, двух предварительно изогнутых плеч и двух рогов. Внешняя сторона плеч оклеивается вареными сухожилиями на рыбьем клее, внутренняя – роговыми подзорами. Рукоять и рога оклеиваются костяными накладками. Луки монгольской эпохи отличаются специфической формы костяными накладками на внутреннюю сторону рукояти. Они имели форму двустороннего весла, прием расширения, приходившиеся на начало плеч, отогнуты вперед. Этот прием позволял луку быть всегда вынутым в сторону, противоположную тетиве, что механически обеспечивало его рефлексивность. Она еще более усиливалась за счет того, что готовое древко лука перед пуском его в дело около года выдерживалось связанным в кольцо.

Таким образом, получалось мощное оружие с силой натяжения 40–80 гг., выпускавшее стрелу на расстояние нескольких сотен метров, пробивавшую кольчугу на расстоянии до 100 м. Значительно меньше монгольское влияние сказалось на наконечниках черкесских стрел (Рис. 8, 1-2). При том, что формы их часто близки монгольским – это плоские асимметричные или симметричные ромбы, долотовидные или двурогие срезны, а также граненые или трехлопастные пробойники (впрочем, большинство этих форм восходят к хазарской эпохе), они отличаются от монголь-

ских своей величиной (это касается только плоских разновидностей): монгольские выделяются очень крупными, чуть ли не в ладонь, размерами. При этом монголы употребляли и наконечники обычной величины. Наличие в монгольском колчане наряду с обычными особо крупных наконечников соответствует их боевой тактике. Стрелы с небольшими наконечниками применялись при массированном настильном обстреле с большого расстояния, тогда как стрелы с крупными наконечниками применялись при построении «хороводом», когда крупное соединение или даже большая часть войска выстраивалось – отряд за отрядом – в кольцо перед строем противника и начинало скачку по кругу слева направо. При этом воины, оказывавшиеся непосредственно перед строем врага, успевали выпустить по паре стрел, причем вторую – из самой лучшей позиции – влево назад. А поскольку дистанция стрельбы между противником и обращенной к нему частью «хоровода» была максимально короткой – 20-30 м., меткие стрелки были очень точны. И применение стрел с крупными наконечниками этот эффекткратно усиливало. Недаром все авторы – современники монгольских нашествий описывают невообразимо высокие потери именно от действий монгольских лучников, то есть на первом же этапе сражения. При этом многие даже забывали, отмечая лишь мельком, такую обычную для всех ударную часть войска монголов, как латная конница. Отсутствие крупных наконечников стрел в черкесских, и вообще северокавказских колчанах, говорит о том, что жители этих мест не применяли «хоровода». Это легко объясняется тем, что подобное построение крайне эффективно при двух обязательных условиях. Первое состоит в наличии достаточно большой – в несколько тысяч – массы конницы, такой, чтобы противник не мог легко охватить ее с флангов и тыла: ведь здесь «хоровод» беспомощен, так как воины на скаку заняты приготовлением к стрельбе. Второе условие – четкая слаженность каждого подразделения, требующая железная дисциплины и постоянной совместной тренировки. В противном случае, при ошибке любого из десятских кольцо ломалось, и весь «хоровод» оказывался на краю гибели. Ни одного из этих условий воинство северокавказских народов – в том числе и черкесов, обеспечить не могло, так как состояло из множества дружин мелких владетелей, часто недружественных друг другу и отнюдь не склонных

посвящать значительную часть своего времени совместным учениям.

У монголов черкесы заимствовали форму и декор двух типов колчанов. Первый тип, восходящий еще к раннему средневековью – узкий, расширяющийся книзу пенал из бересты, с расширяющимся устьем, направленным вперед и вверх. Стрелы в нем располагались остриями вверх. Черкесами были восприняты округлый верх устья-приемника и костяные накладки, украшенные гравировкой (Рис. 8, 3-4). Узоры при этом только слабо могли напоминать монгольские, но чаще были вполне самобытными. Роскошный колчан монгольского типа из «медного гроба» в 1 кургане Белореченского могильника (Рис. 9) был обтянут поверх берестяной основы кожей, замшей и золотной китайской парчой. Местной, прикубанской традицией стало украшение лицевой стороны колчана 1-3 крупными плоскими серебряными дисками (Рис. 10). В то же время можно полагать монгольской традицией украшать крышку устья колчана выпуклым чеканным диском с колечком в центре для подвешивания кисти (Рис. 8, 6). Видимо, с монголами пришли и костяные кольца для натягивания тетивы большим пальцем – «по-монгольски» (Рис. 8, 5). Крепление к ремешкам портупей у колчанов Прикубанья производилось в довольно архаичной форме – при помощи металлических петель с горизонтальными пластинами для крепления к верхнему торцу колчана.

Второй тип колчана – в виде плоской недлинной сумки, в которой стрелы располагались оперением вверх и назад. Такие колчаны, введенные киданями в X в., стали популярны именно в монгольское время и после XIV в. вытеснили колчаны первого типа. Лук в каждом налуче и стрелы в колчане подвешивались к специальному поясу-портуpee: налуч слева, колчан – справа (у левшей – наоборот). Стрелковый, саадачный пояс всегда, еще с середины I тысячелетия, застегивался на крючок (Рис. 7, 7). Если при поясе имелась рамочная пряжка, то ее роль сводилась к регулированию пояса на талии. К сожалению, абсолютное большинство археологов уверено, что такой крючок соединял портупею с донцем колчана, но это нигде живым материалом не зафиксировано. Зато все портупеи до XIX в. во всей Евразии изготавливались именно с крючком.

Копья – основное оружие конного латника, оружие конного таранного удара, взламывающего строй утомленного лучным обстрелом противника, в черкесских памятниках

золотоордынского времени встречаются нечасто. Не исключено, что это отражает реальную ситуацию тактических особенностей черкесского конного боя, когда копейщики выступали лишь в челе конного строя. Но не менее вероятно, что положение копья в могилу не было обязательным требованием черкесского похоронного обряда. Судя по немногочисленным находкам, черкесские воины использовали наконечники двух основных типов. Первый тип отличается достаточно длинным узким граненым пером (Рис. 6, 15-16). Такой наконечник был очень широко распространен в XIII–XV вв. в Евразии, особенно в степной ее зоне. Копье с таким наконечником могло легко пробить на скаку практически любую броню. Второй тип наконечника прямо восходит к образцам, распространенным в Прикубанье последние века I тысячелетия. Он имеет плоскоромбическое сечение, ланцетовидную форму и угловатые выступы внизу, над переходом к втулке (Рис. 6, 11-14).

Булавы также редки на территории Прикубанья. Тем не менее, надо отметить, что монголы, у которых булава была очень популярным оружием, принесли в Восточную Европу такой тип булавы, как пернач. Находки перначей на Северном Кавказе нередки, но не столько в Прикубанье (Рис. 6, 19), сколько в центральном Предкавказье и Кавказе – на территории Чечни и Ингушетии. То же можно сказать и о булавах с боевой частью в виде железного шара (Рис. 6, 17-18).

Также редко в черкесских золотоордынских погребениях встречается такое, столь любимое монголами, а также вайнахами, оружие, как топор. Немногие топоры, найденные в черкесских воинских погребениях, являются довольно массивными, с плоским, невыделенным обухом, с удлиненным трапециевидным или с массивной бородкой клинком, со средней длины округлым лезвием. Наиболее близкие параллели находятся на территории Среднего Поволжья и имеют, видимо, волжско-булгарское происхождение.

Рассмотрим защитное вооружение черкесских воинов Золотой Орды. Вообще, Прикубанье исключительно богато находками оборонительного вооружения золотоордынского периода. Особенно много его найдено в последние десятилетия в результате грабительских раскопок. Иногда, по счастью, удается отследить памятники вооружения, пусть и вне контекста, депаспортизованные; но хотя бы внешний их вид остается для науки. Судя по обилию находок, можно полагать, что

защитное вооружение было доступно достаточно широкому слою профессиональных воинов, каковыми были княжеские дружинники. Но интересно, что самые богатые – в смысле наличия драгоценных предметов – захоронения, содержащие такое ценное оружие, как сабли, обычно лишены предметов защитного вооружения. Похоже, погребальные обычаи требовали его положения в могилы дружинников – уорков (узденей), но не лиц ранга владетельного князя (пши) или феодала более низкого ранга (тлектлеш).

В качестве панцирей черкесские воины использовали в подавляющем большинстве кольчугу. Кольчуга использовалась на Северном Кавказе еще с эпохи античности, но широкое распространение получила в хазарскую эпоху в VIII–X вв., когда ее носили и самостоятельно, и поддетой под пластинчатый – ламеллярный – панцирь. С XI в. пластинчатый панцирь выходит из употребления в Прикубанье и в Центральном Предкавказье. Монголы должны были вернуть сюда пластинчатый панцирь – его ламеллярную разновидность, господствовавшую в Центральной и Восточной Азии еще с древности. И действительно, в погребении монгольского латника у с. Новотерское в Чечено-Ингушетии найден вместе со шлемом и кольчугой ламеллярный панцирь (Чахкиев, 1984). Но это единичная находка, и именно в погребении монгола. Погребения местных насельников содержат только кольчуги. Вообще, кольчуга как броня серьезно уступает в эффективности ламеллярной броне. Но кольчуга непревзойденно удобна – ввиду относительной легкости и абсолютной подвижности структуры. Видимо, это ее свойство особо ценилось черкесами и их соседями: они ведь были не столько строевыми солдатами, сколько индивидуальными бойцами, использовавшими более высокое личное мастерство, нежели преимущества дисциплинированного строя воинской массы. Противоречие между кольчугой и пластинчатым панцирем было решено путем вплетения в кольчужную ткань стальных пластинок. Самые ранние памятники нового, гениального изобретения, которому будет суждена долгая – до XVIII в. – жизнь, были найдены на территории Золотой Орды, и один из пунктов находки – погребение у с. Праздничное (Рис. 10-11) в Прикубанье. Датируются золотоордынские находки кольчато-пластинчатого панциря не позднее середины XIV в. Пока трудно определить, где он появился раньше – Прикубанье или в Башкирии, где известна

еще одна его находка. Так что не исключено, что кольчато-пластинчатый доспех, разновидности которого с XV в. известны как джавшан (русск. юшман) и бехтер (русск. бехтерец), был изобретен в Черкесии после середины XIV в. (но после этого почему-то позабыта, так как никаких следов кольчато-пластинчатого доспеха местного производства в Прикубанье XV–XVIII вв. не встречено и не упомянуто).

В комплекте с кольчугой (а то и двумя) в погребениях Северного Предкавказья практически всегда находят шлем. Число находок шлемов золотоордынской эпохи составляют многие десятки, несколько превосходя количество находок с других – степных территорий Золотой Орды, и многократно превосходя число их находок с территории древней Руси.

Золотоордынские шлемы Прикубанья представлены несколькими типами. Отметим при этом, что одними и теми же формами шлемов пользовались и черкесы, и половцы, и кыпчаки, и маджары, и аланы-асы, и вайнахи, и, разумеется, сами монголы и татары; тем не менее, мы можем отметить предпочтения, которые отдавались отдельными этносами тем или иным типам боевых наголовий. По форме тульи шлемы разделяются на яйцевидные – приостренные (Рис. 12, 1-4; 14, 6) и округлые (Рис. 12, 5-6), сфероконические без перехода от околыша к макушке (Рис. 13, 2, 4-5) и с вогнутыми переходом (Рис. 13, 3-4), и цилиндроконические (Рис. 13, 6) – в своем «шатровом варианте, когда тулья выкована в форме усложненной пирамиды (Рис. 14, 1, 4-5). Собственно монгольскими признаками являются такие детали шлемов, как козырьки, на уши, маски и полумаски с рельефными «бровями» и длинным, обычно горбатым носом, забрала в виде личины, часто с длинными усами, загнутыми кверху – в сочетании с рельефными бровями. Монгольские увенчания шлемов – петелька с кольцом, к которому привязывалось чисто монгольское украшение – лента, двумя концами ниспадавшая к затылку, и высокий тонкий шпиль, увенчанный тем же кольцом с лентой встречаются в западной части Прикубанья нередко (Рис. 14, 3). Популярными среди черкесов, а не исключено, что и черкесским изобретением и продуктом именно их ремесла были шлемы с невысокой тульей яйцевидно-приостренной и яйцевидной, практически полушаровидной формы, состоящей из четырех секторов (редко – из двух сегментов), соединенных между собой сваркой (Рис. 12). Столь же часто встречаются в погребениях золотоордынских

черкесов шлемы «шатровой» формы. Изредка они имеют дугообразные вырезы над бровями, с коротким прямоугольным наносником между ними (Рис. 13, 6). Но чаще они имеют глубокий подпрямоугольный вырез в налобной части, так что при ношении оставшаяся часть широкого околыша почти целиком прикрывает уши и затылок (Рис. 14, 4-5). Как правило, такой вырез свидетельствует о том, что, что такой шлем был снабжен забралом-личиной. Об этом говорит и система отверстий по краям: те, что были пробиты по краям околыша, предназначались, разумеется, для крепления кольчужной бармицы, а вот одно-три более крупных отверстия над серединой лба явно предназначены для прикрепления забрала-личины. Это подтверждается и находками, к сожалению, при кладоискательских раскопках, таких шлемов с личинами (Рис. 14, 1) (единственная личина, раскопанная профессиональным археологом, к несчастью, погибла от ливня, обрушившегося на только что расчищенный памятник), и тем, что их точные аналоги раскопаны еще в конце XIX в. в южной Киевщине, в погребениях золотоордынских знатных латников-половцев конца XIII – начала XIV в. (Пятышева, 1964. Рис. 14, 2). Такая же маска была раскопана в 1889 г. в одном из складских помещений Херсонеса вместе с кусками кольчуги серебряными слитками-гривнами рубежа XIII – начала XIV вв. (Пятышева, 1964. С. 7). Иконография личин с усами восходит к очень старой центрально-азиатской традиции, воспринятой монголами и принесенной ими на запад (Горелик, 1984). Так что шлемы эти – создание мастеров с востока, но черкесские воины их особенно полюбили. В то же время у них не пользовались популярностью монгольские шлемы с козырьками, которые охотно использовались половцами Прикубанья и вайнахами.

В монгольскую эпоху на Северном Кавказе появляется кольчужный капюшон и, не исключено, – мисюрка. Археологически обнаружен кольчужный капюшон в половцевом погребении второй половины XIII в. (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. С. 189. Рис. 7). Мисюрки археологически не обнаружены; они засвидетельствованы только на миниатюрах – в восточно-анатолийской рукописи поэмы «Варка и Гульшах» второй четверти XIII в. (вместе с кольчужными капюшонами) и тебризской рукописи «Шах-намэ» 30-х гг. XIV в. (Gorelik, 1979. Fig. 54-56, 63, 157-158).

Конечно, отнюдь не монголы занесли кольчужные капюшоны в Предкавказье. Думается, на востоке Малой Азии они появились как подражание западноевропейским, распространенным в государствах крестоносцев Восточного Средиземноморья. А в Прикубанье они пришли из Малой Азии, от сельджуков, либо непосредственно от итальянских колонистов, обосновывавшихся в Северном Причерноморье во второй половине XIII в.

С монголами на Северный Кавказ из Средней Азии были занесены двусторчатые налокотники, известные под персидским термином «базубанд». Но в черкесских погребениях, раскопанных археологами, они пока не обнаружены, хотя большое их число найдено в вайнахских погребениях золотоордынской эпохи, а также в богатом половецком погребении начала XIV в. в западном Прикубанье (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. С. 195. Рис. 3) (Рис. 3, 3).

Зато западное Прикубанье оказалось родиной и центром широкого распространения специфической разновидности щита (Горелик, 2002. С. 24, 78; 2004а; 2004б. С. 296. Рис. 1). Дело в том, что в золотоордынских погребениях Прикубанья нередко находки железных оковок щитов – выпуклых круглых умбонов диаметром 15-18 см, крепившихся к поверхности щита при помощи перекрещенных прутков с расплюснутыми серединами и концами. Нередко умбон дополнялся оковкой из тех же прутков с расплюснутыми участками для клепки, расположенных концентрически а иногда также и радиально (Схатум, 2003) (Рис. 15). С

наибольшей вероятностью эта система оковки щита была заимствована из западноевропейской паноплии через итальянских колонистов. В западном Прикубанье она была приспособлена для монгольского круглого щита из концентрически соединенных нитями гибких прутьев, или повсеместно распространенных щитов из дощечек, обтянутых кожей. В начале XIV в. «умбон с крестом» распространился практически по всей империи Чингизидов и его прямые дериваты дожили до XIX в. на Кавказе, в Тибете и Курдистане. Очень вероятно, что процесс формирования данной системы укрепления щита формировался в среде черкесских оружейников. Тем не менее один из самых ранних образцов такого умбона, но еще плоский, раскопан в уже упомянутом погребении знатного половецкого латника (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. Рис. 4, 31) (Рис. 15, 1). То, что он был половецким, подтверждается, при наличии монгольского шлема и налокотников, погребальным обрядом, распрямленной серебряной гривной и впервые найденном, причем на кольчуге, ярчайшим этническим признаком половцев, прекрасно известным по сотням каменных изваяний половецких воинов – «боевому бюстгальтеру» - системе из двух нагрудных и одного наспинного диска, соединенных ремнями.

Таким образом, мы видим, что черкесское воинство эпохи Золотой Орды обладало полным и передовым комплексом вооружения, приспособленным именно для тактики черкесских боевых отрядов, конкретных условий их социальной и хозяйственной среды.

ЛИТЕРАТУРА

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: «Эльбрус», 1974. 638 с.

Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.

Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 272 с.

Laques chinois du Linden - Museum de Stuttgart. Paris, 1986. 120 p.

Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып. 3. Краснодар: КубГУ, 2003. С.184-208.

Горелик М.В. О средневековых восточных шлемах с масками и одной центральноазиатской изобразительной традиции (тезисы доклада) // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып. 7. М., 1984. С. 79-81.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. (воинское искусство, вооружение, снаряжение). М.: «Техника-молодежи», 2002. 84 с.

Горелик М.В. Адыги в Южном Поднепровье (вторая половина XIII - первая половина XIV в. // МИАСК. Вып. 3. Армавир: РИЦ АГПА, 2004б. С.293-300.

Горелик М.В. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты) // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Вып. 4. Культурные традиции Евразии. Казань: 2004а. С.182-195.

Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Оружие Центрального Предкавказья золотоордынской эпохи (в печати).

Пятышева И.В. Железная маска из Херсонеса, М.: Изд-во ГИМ, 1964. 63 с.

Схатум Р.Б. Щит в комплексе вооружения оседлых племен северо-западного Кавказа в золотоордынский период // МИАК. Вып. 3. Краснодар: КубГУ, 2003. С.224-227.

Чахкиев Д.Ю. Богатое погребение воина-кочевника у села Новотерское (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной Истории Северного Кавказа. Грозный: ЧИГУ, 1984. С.95-104.

Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eight to the fifteenth centuries as shown in works of art // Islamic Arms and Armour. London, 1979. P. 30-63.

THE CIRCASSIAN WARRIORS OF THE GOLDEN HORDE (ACCORDING TO ARCHEOLOGICAL DATA)

M.V. Gorelik

Russia, Moscow, Institute of oriental studies RAN

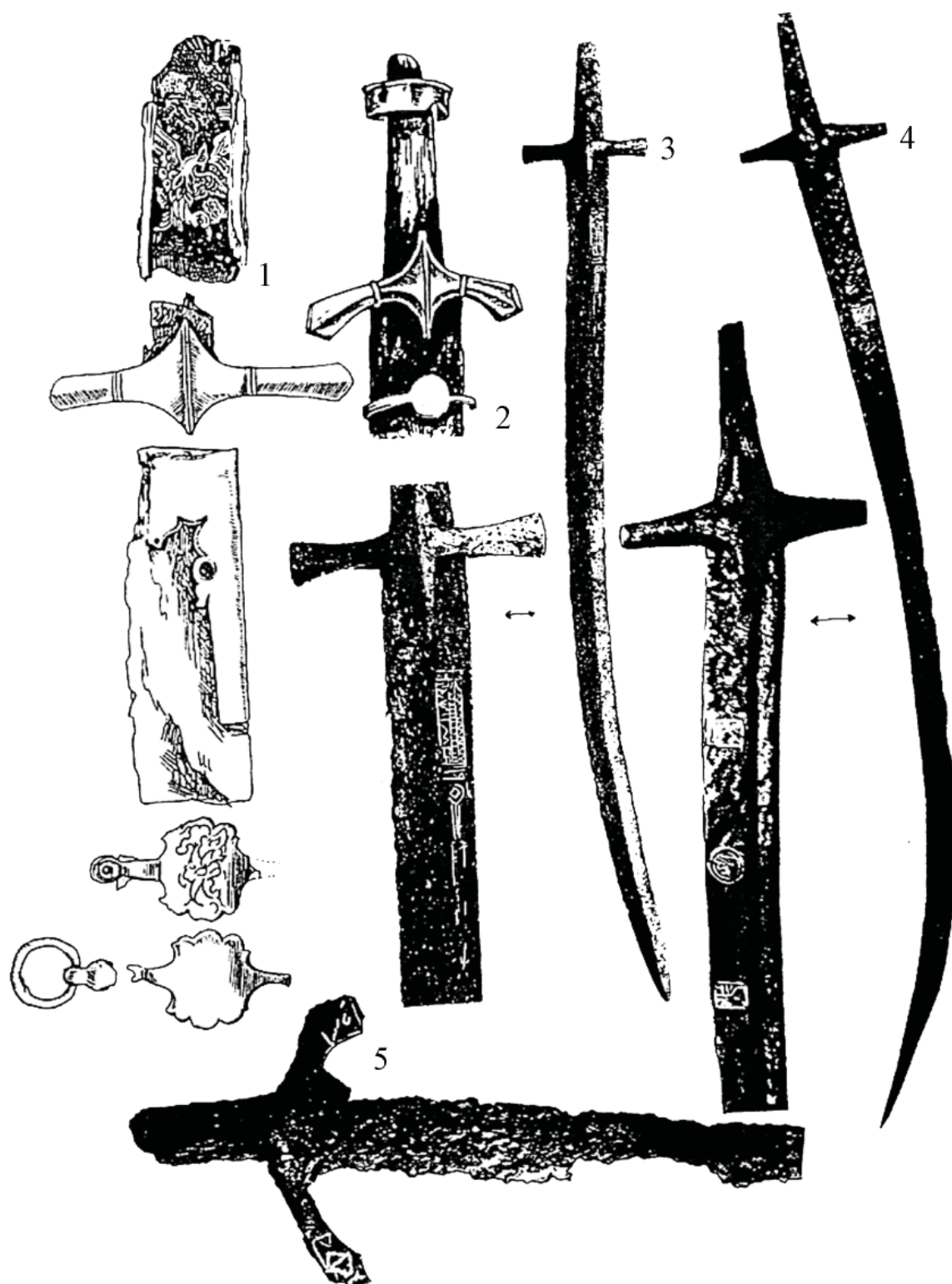

Рис.1. 1 – монгольский палаш из погр. у пос. Новопавловка, Ставрополье (1 пол. – серед. XIII в.); 2 – сабля с серебряной фурнитурой (30-е гг. XIII в.) из погр. в медном гробу, Белореченский мог.; 3 – сабля с золотой таушировкой на клинке (XIV – XV вв.) ГОМРТ, Казань; 4 – сабля с «Черкесским клинком» и золотой таушировкой на клинке (2 пол. XIV – нач. XV вв.). Частное сбор.; 5 – сабля с серебряной таушировкой на перекрестии. Погр. в кугр. у станицы Тифлисская (кон. XIV в.) ГЭ.

Рис. 2. 1 – сабля из погр. в медном гробу. Кург. 1, Белореченский мог. ГИМ, Москва; 2-7 – детали миниатюр рукописи «Шах-намэ» из бывш. Собр. Демотта. Тебриз (30-е гг. XIV в.).

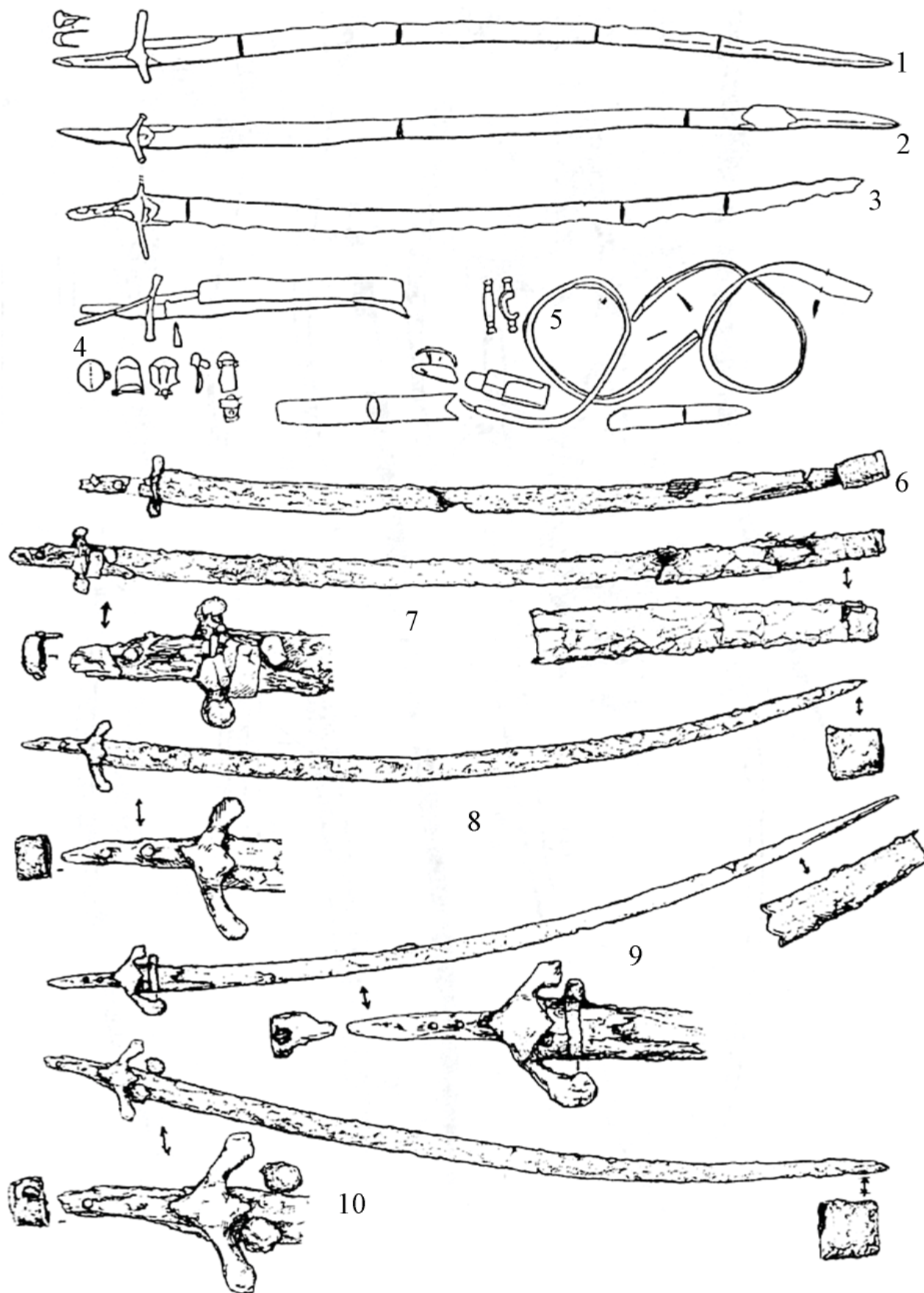

Рис. 3. 1-5 – сабли из погребений Цемдолинского мог. под Новороссийском (серед. XIII – нач. XIV вв.); 6 – сабля из мог. Золоторевка-7. Сев.-зап. Ставрополье; 7-10 – сабли из мог. Мзыста ок. Туапсе.

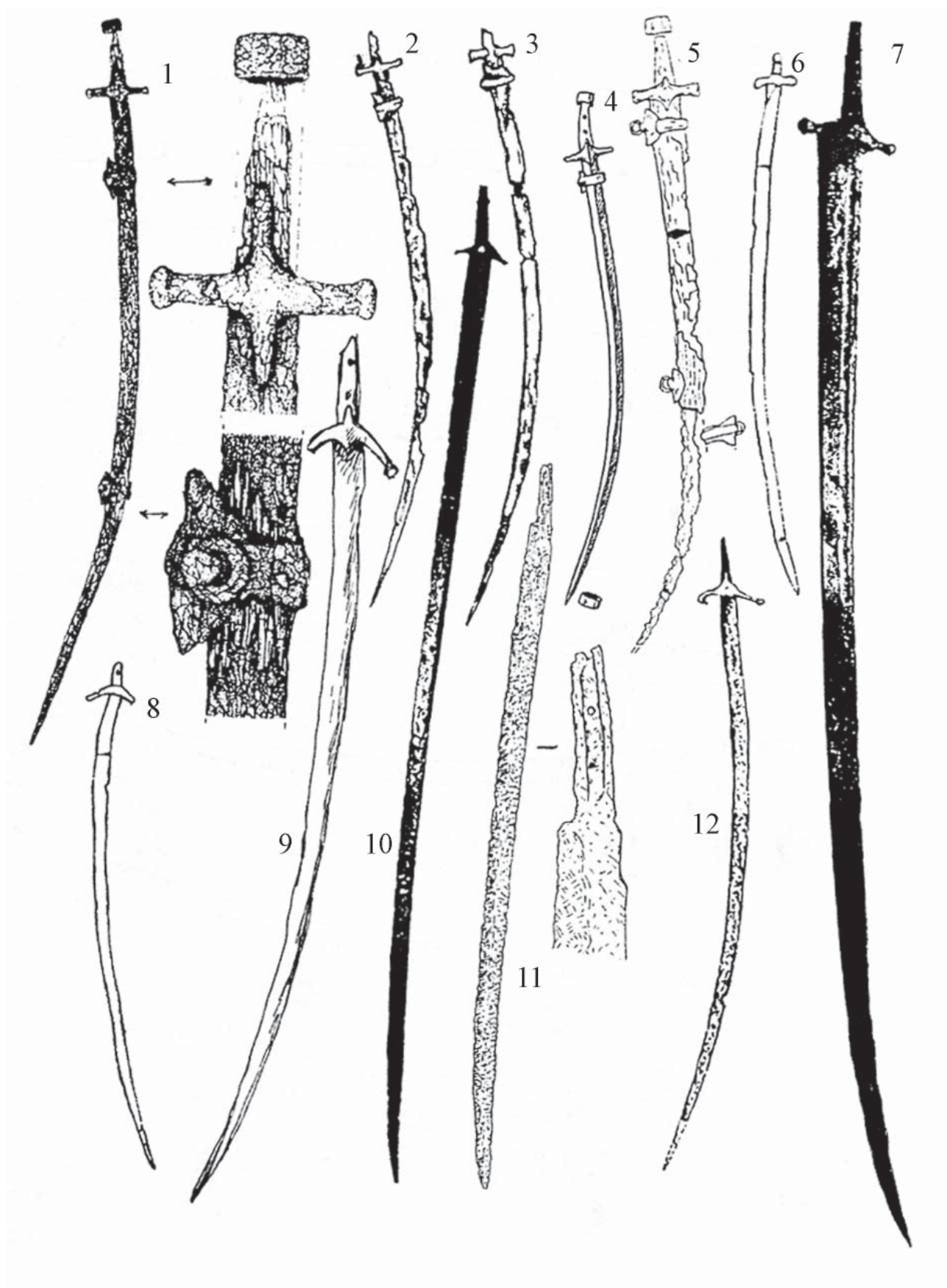

Рис. 4. 1 – мог. Иноземцево – 1, Пятигорье; 2-3 – мог. 1 у с. Нижний Черек; 4 – Псекупский мог.; 5 – мог. МТФ-3 у станицы Старокорсунской; 6,8 – мог. у с. Ленинхабль; 7, 10 – из частных собраний; 9 – Новороссийска, погр. на Днестровской ул.; 11 – из окрестностей Сочи; 12 – Белореченский мог.

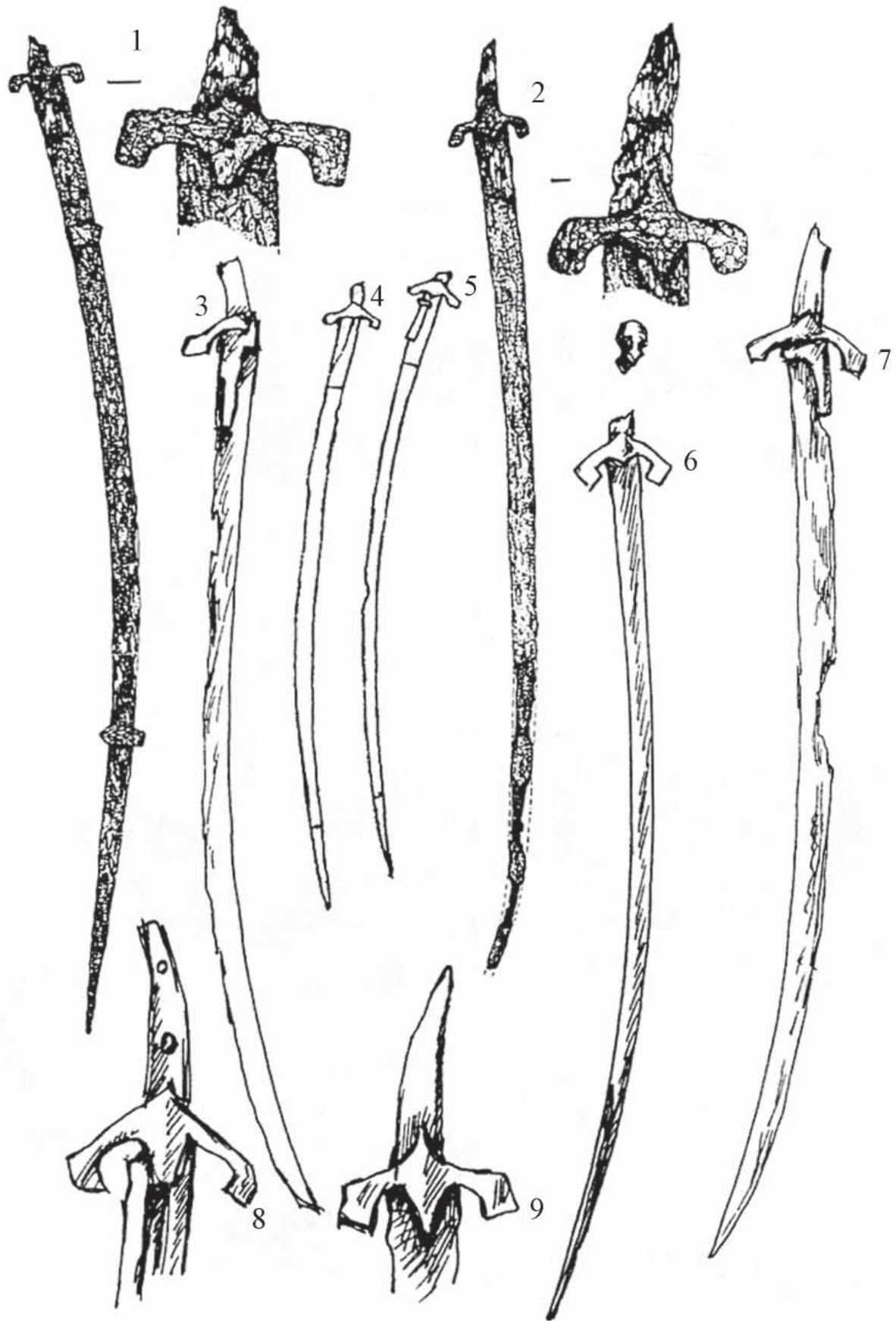

Рис. 5. 1-2 – мог. Иноземиево – 1, Пятигорье; 3 – кург. у станицы Праздничная; 4,5 – Ленинхальбский мог.; 6 – кург. у станицы Раевская; 7 – Убинский мог.; 8 – кург. у станицы Псебайская; 9 – кург. у станиц Кужорская и Ярославская.

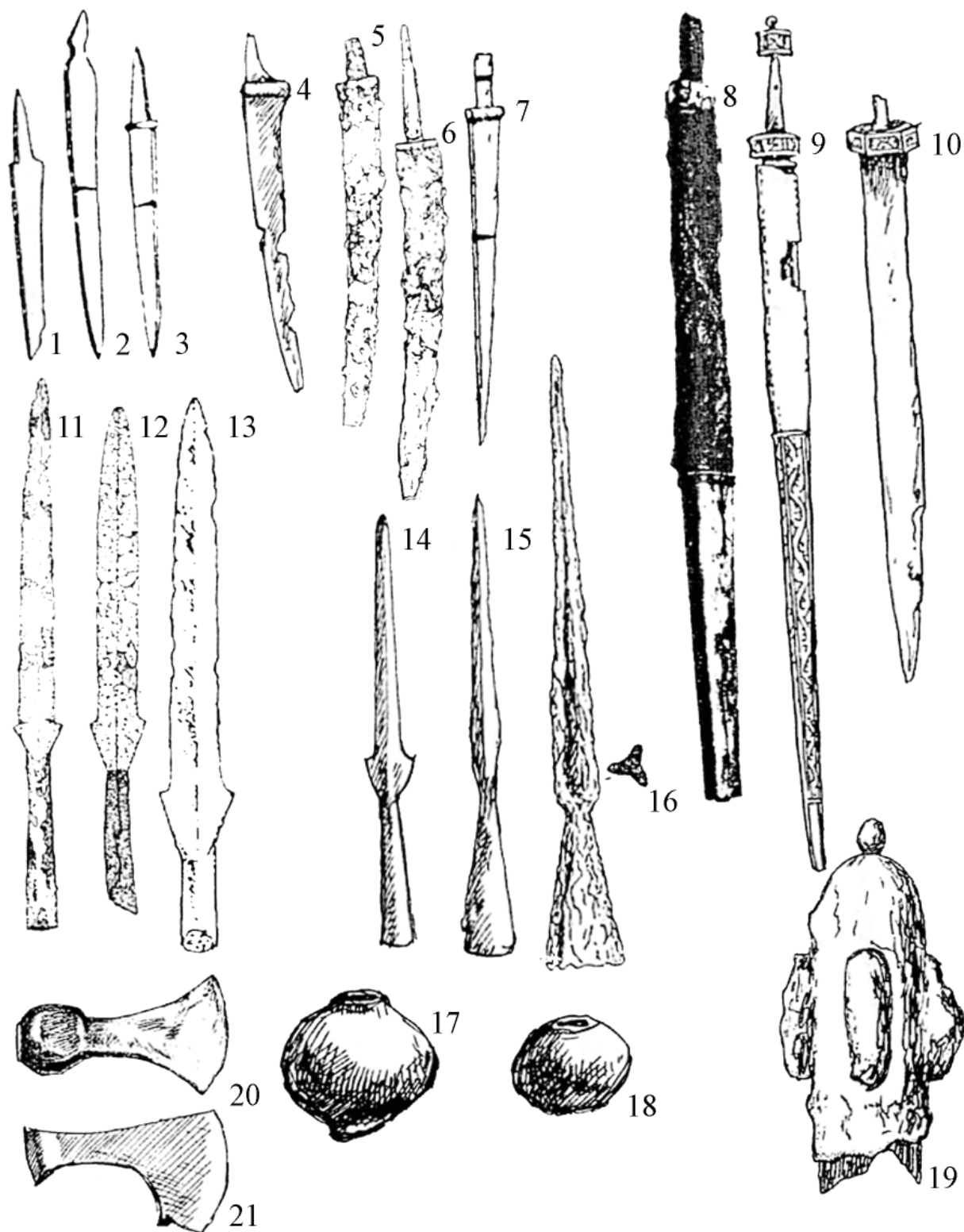

Рис. 6. 1-3 – боевые ножи из мог. у с. Варданэ, р-н Сочи; 4 – Убинский могю; 5-6 – мог.Мзыста, р-н Туапсе; 7 – Псекупский мог.; 8-9 – Белореченский мог.; 10 – мог. Жако, Черкесия; 11 – окрестности Сочи; 12 – станица Новомихайловская; 13 – крепость в устье р. Годлик; 14 – мог. МТФ-3 у станицы Старокорсунской; 17- железная булава, мог. у пос. Ханьков-1; 18 – железная булава, Архангельский ерик; 20 – погр. в медном гробу, кург. 1, Белореченский мог.; 21 – Убинский мог.

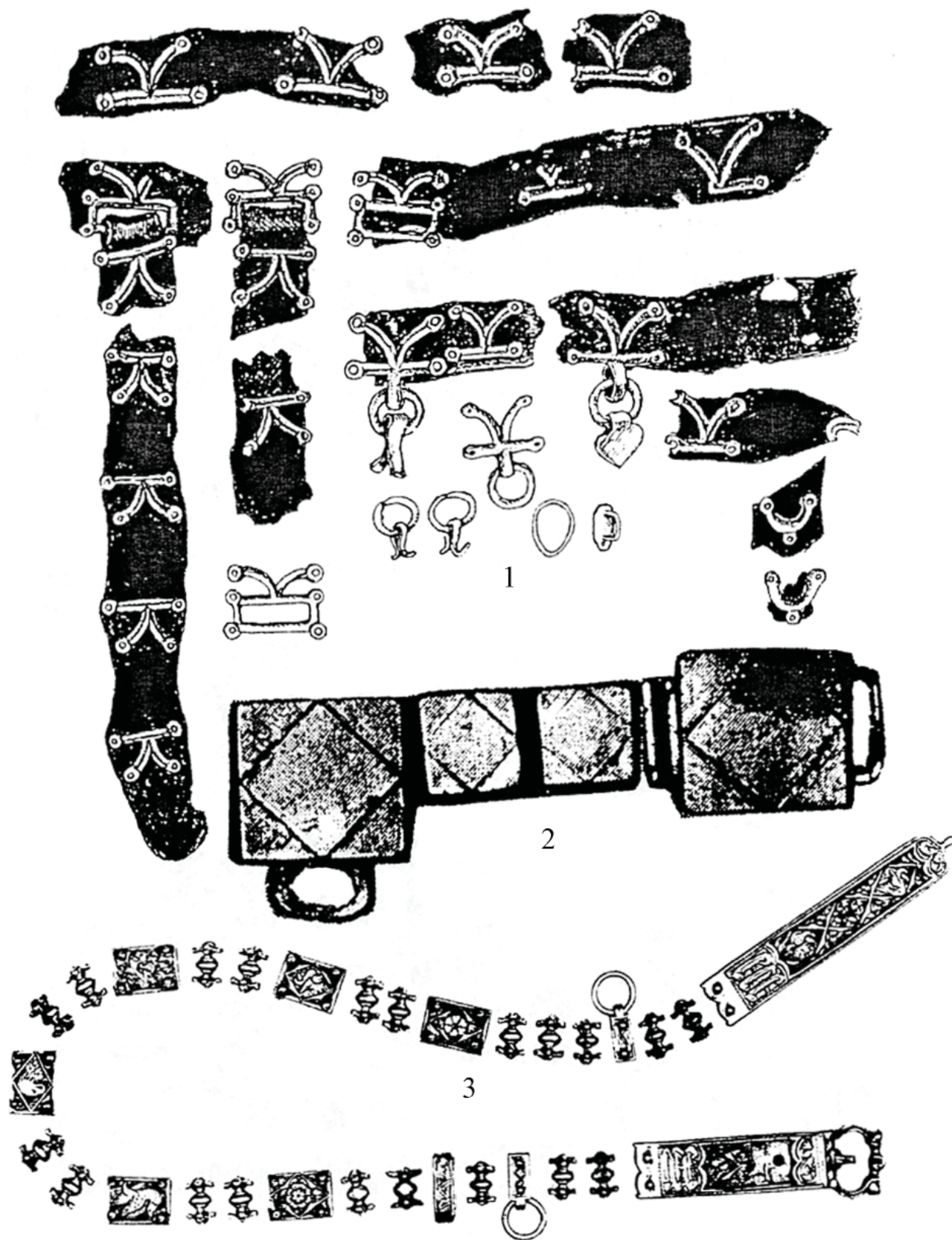

Рис.7. Портпейные клинковые пояса из Белореченского мог.: 1-2 – монгольские, с серебряным (!) и золотым (2) набором, из погр. в медном гробу; 3 – итальянский серебряный.

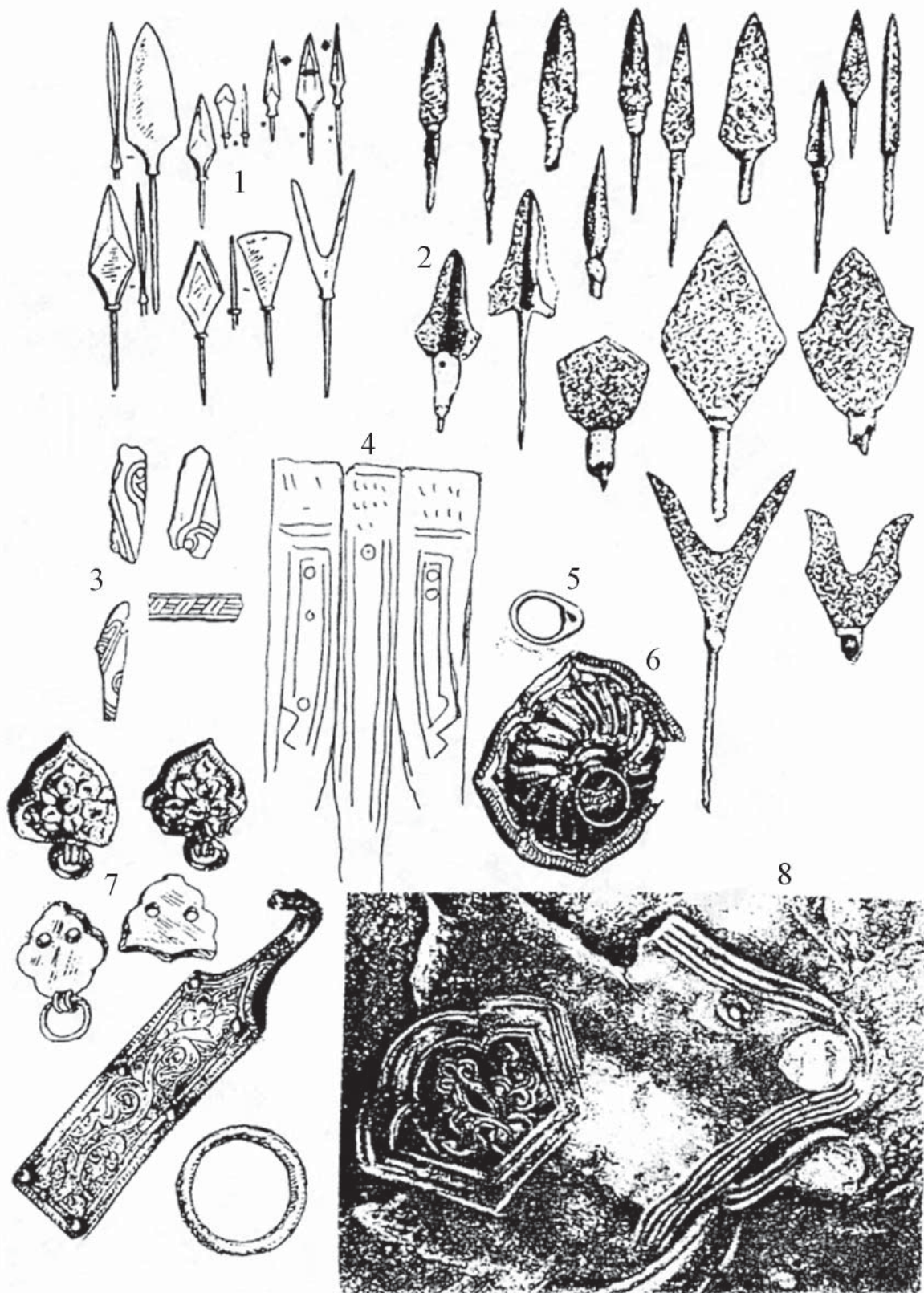

Рис.8. 1-2 – наконечники стрел из мог. Варданэ (1) и Белореченского (2); 3 – костяная гравированная облицовка колчана, Белореченский мог.; 4 – то же мог. Мысхако; 5 – костяное кольцо для натягивания тетивы, Белореченский мог.; 6 – серебряная накладка на крышку колчана, 7 – серебряный набор стрелковой портупей, из погр. в медному гробу. Белореченский мог.; 8 – кожаный налuch, мог. у с. Чегем-2.

Рис.9. Военачальник черкесов (серед. XIV в.), реконструкция и рисунок М.В. Горелика по материалам Белореченского мог. и вещам из частных собраний.

Рис. 10. Знатный черкесский латник (серед. XIV в.), реконструкция и рисунок М.В. Горелика по материалам погребений у ст. Ладонская, пос. Праздничный и др.

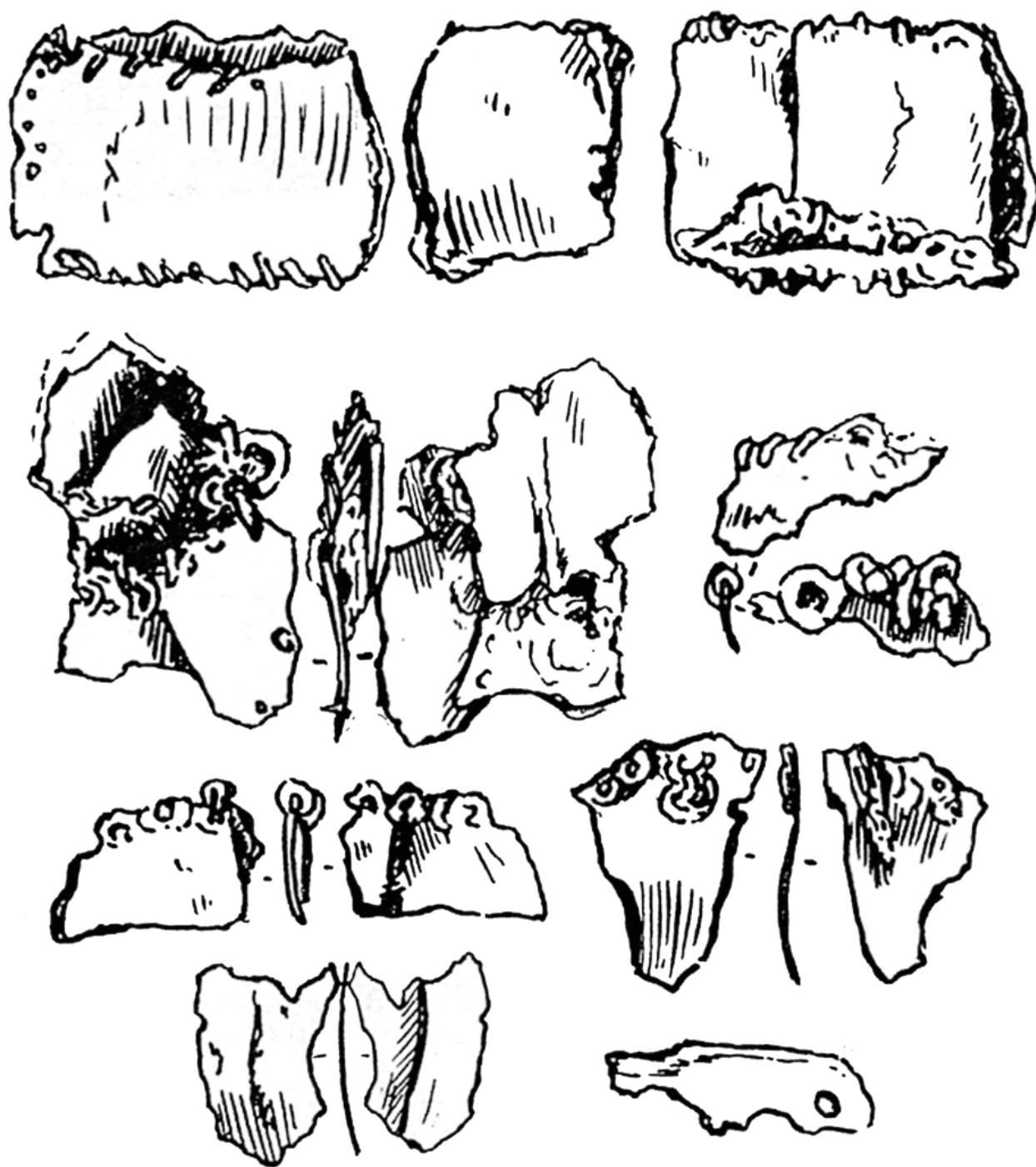

Рис. 11. Детали кольчато-пластинчатого панциря из кург. У пос. Праздничный ГИМ.

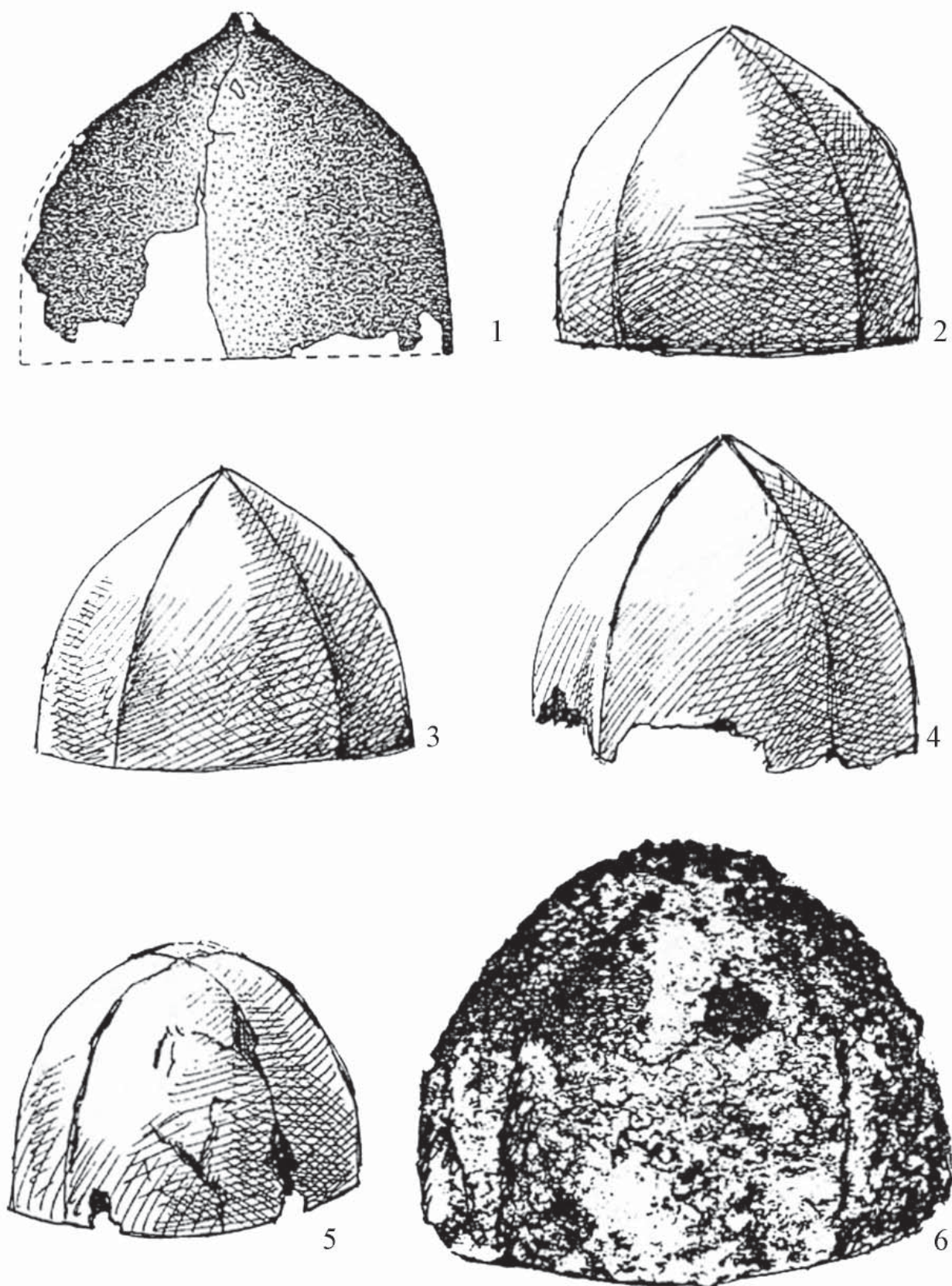

Рис. 12. Шлемы. 1, 6 – Убинский мог.; 2 – Новороссийск, погр. На Днестровской ул. 3 – Краснодарский краеведческий музей; 4 – Новороссийский краеведческий музей; 5 – мог. Мысхако.

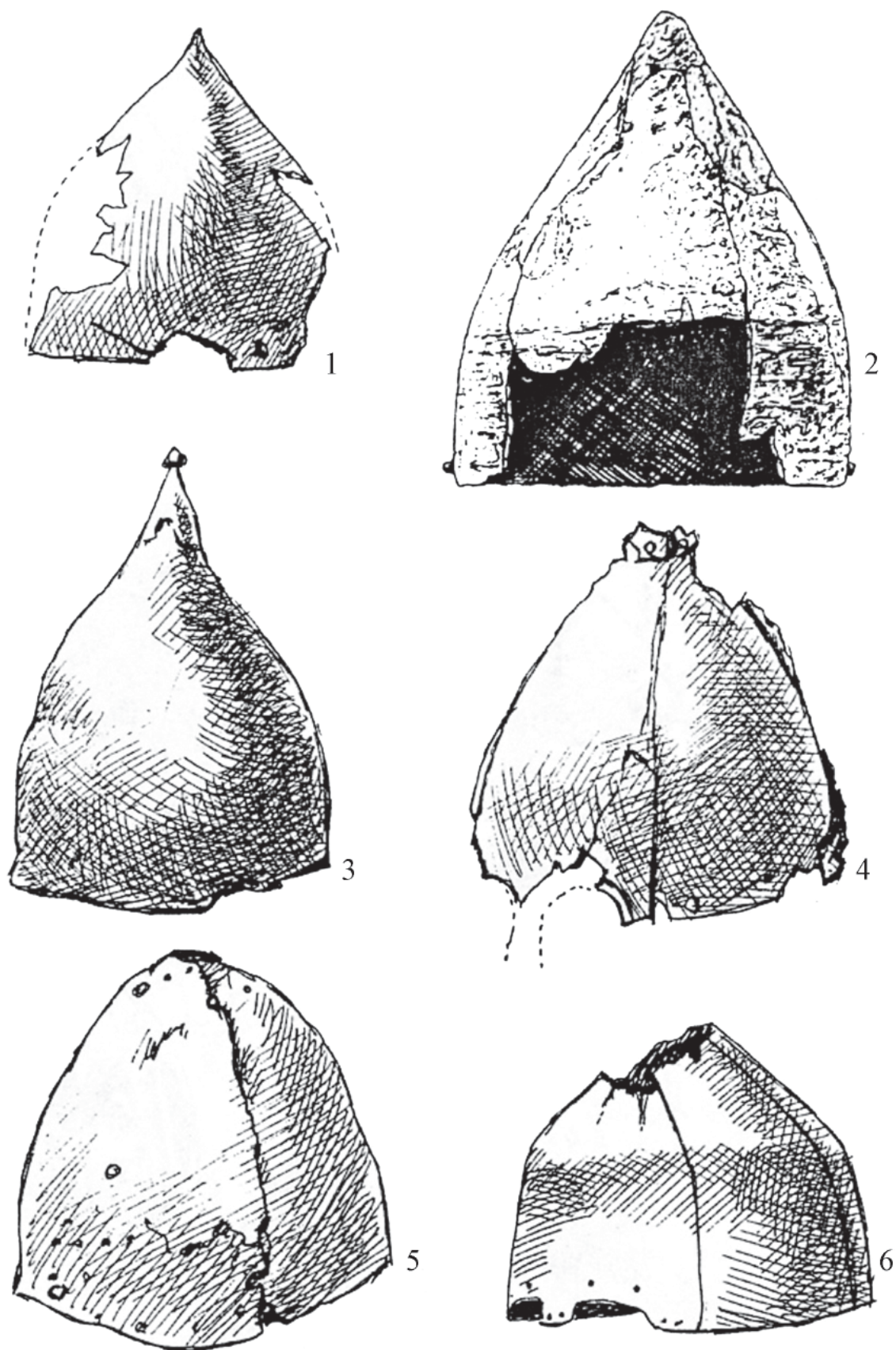

Рис. 13. Шлемы. 1 – мог. Мысхако; 2 – Убинский мг.; 3 – кург. У станы Ладонская; 4 – кург. У пос. Праздничный; 5 – ГИМ, Москва; 6 – Краснодарский краеведческий музей.

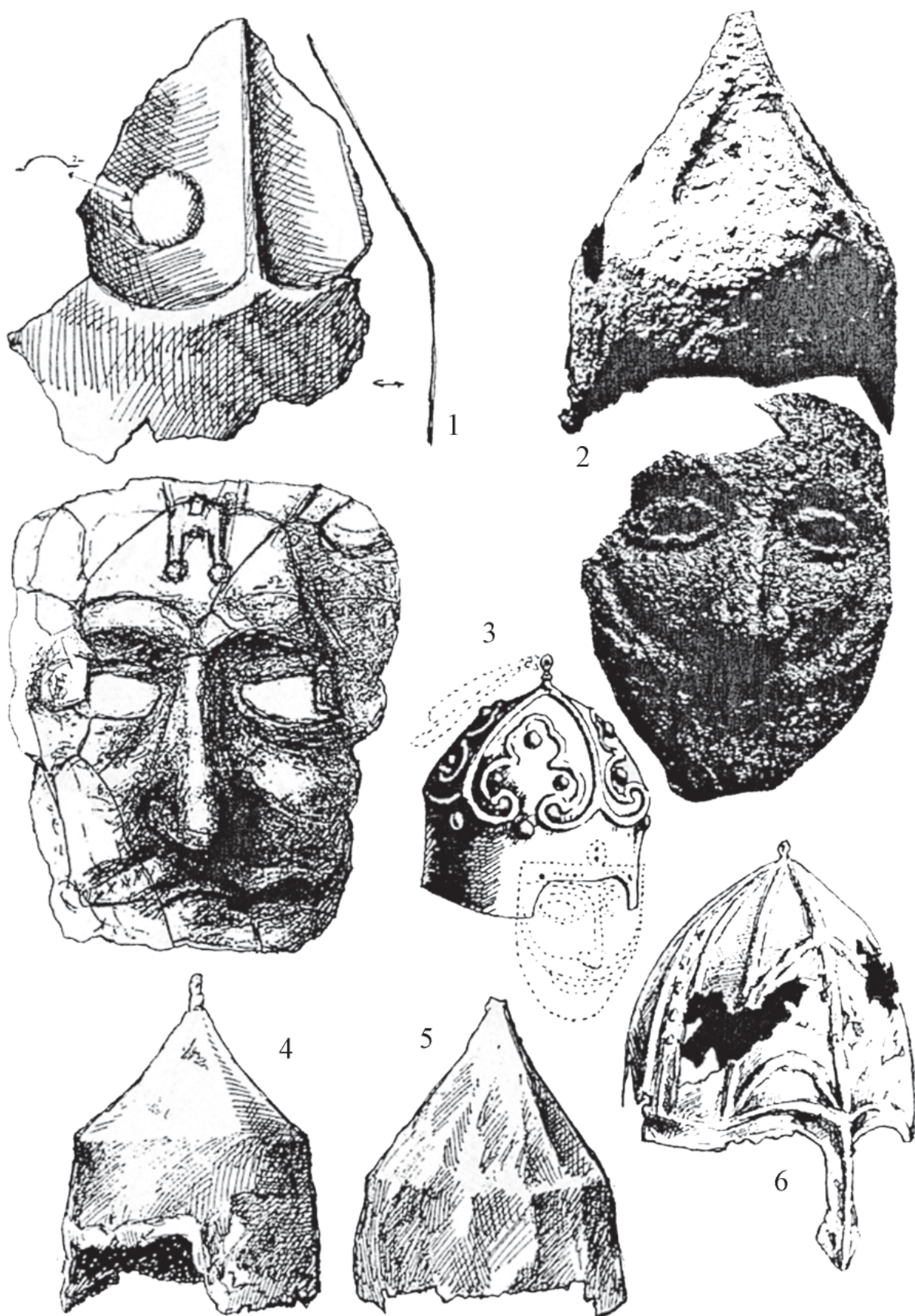

Рис. 14. Шлемы. 1,3-6 – из частных собраний; 2 – из кург. У с. Липовеев, Поросже.

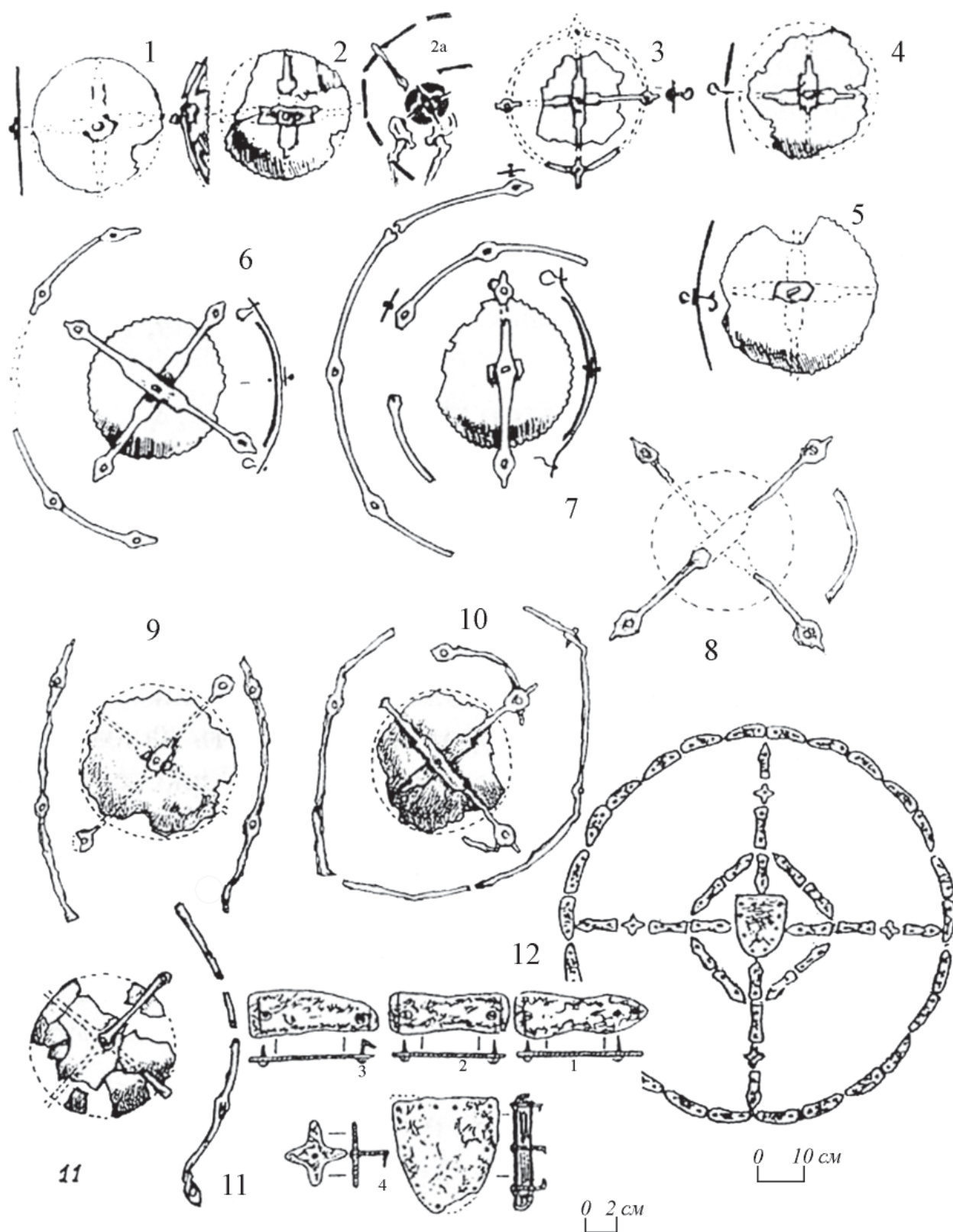

Рис. 15. Умфоны и оковки эитов: 1 – Дмитровский мог.; 2 – Яблоновский мог., Южное Поднепровье; 3 – мог. Варданэ, р-н Сочи; 4-5 – Краснодарский краеведческий музей; 5,9 – Убинский мог.; 7 – Новороссийск, погр. На Днестровской ул; 8, 10 – мог. Казазово-1; 11 – мог. Казазово-3; 12 – Келийский мог., Чечено-Ингушетия.